

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Л.В. Поляков

**РОССИЙСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ:
ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ**

Препринт WP14/2014/04

Серия WP14

Политическая теория
и политический анализ

Москва
2014

УДК 329.11
ББК 66.1(2)
П54

Редактор серии WP14
«Политическая теория и политический анализ»
М.Ю. Урнов

- Поляков, Л. В.**
П54 Российский консерватизм: вызовы и ответы [Текст] : препринт WP14/2014/04 / Л. В. Поляков ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 28 с. – (Серия WP14 «Политическая теория и политический анализ»). – 50 экз.

Статья посвящена анализу трех основных вопросов, которые характеризуют ситуацию вокруг консерватизма в современной России: 1) действительно ли сегодня наступило «консервативное время»? И если да, то – почему?; 2) каков алгоритм русской истории и в чем заключается парадокс российского консерватизма?; 3) может ли стать консерватизм идеологическим фундаментом стратегии национального развития?

Адекватным ответом на эти вопросы/вызовы явился бы радикальный пересмотр традиционной схемы модернизаторских реформ в России и попытка осуществить социальные инновации на основе собственного социокультурного контекста, а не путем прямого заимствования извне. Такой подход (который может быть обозначен как подлинная «консервативная модернизация») обеспечивает возможность по-новому построить отношения между населением и государственностью в России с тем, чтобы завершить болезненный процесс нацистроительства в постсоветской России. Институциональным драйвером этого консервативного идеологического сдвига, по всей вероятности, может стать «Общероссийский народный фронт».

УДК 329.11
ББК 66.1(2)

Ключевые слова: консерватизм, модернизация, социальные инновации, самоотчуждение власти, расколотый социум, идеология, консервация отсталости, национальное развитие

Поляков Леонид Владимирович, профессор, департамент политических наук НИУ ВШЭ.

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Поляков Л. В., 2014
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2014

To live with a gnawing grudge against one's own civilization
is the way to a personal Hell, not to a Terrestrial Paradise.

Russell Kirk

Причина всех наших тяжких бед в том,
что мы сами себя не знаем, а чужестранцам верим.

Юрий Крижанич, 1663 г.

Вопрос о российском консерватизме, о его смысле и перспективах выходит далеко за рамки чисто академического рассмотрения. Это вопрос в буквальном смысле практический и ответ на него в буквальном смысле является судьбоносным. Причем – не только для самой России. Этот вопрос не сводится к проблеме точной дефиниции консерватизма как мировоззрения или политической идеологии. Он не тождественен и вопросу об адекватном представительстве консерватизма в российской партийно-политической системе. Все это – лишь подчиненные аспекты более общего вопроса, который можно сформулировать в виде трех следующих дискуссионных позиций:

- можно ли считать, что именно сейчас время консерватизма пришло, и если да, то почему?
- каков алгоритм российской истории и в чем заключается парадокс российского консерватизма?
- может ли консерватизм стать идеологическим фундаментом стратегии национального развития?

Каждая из этих позиций помогает раскрыть феномен российского консерватизма в ракурсах его настоящего, прошлого и будущего, что дает возможность получить интегральный и практически значимый ответ на исходный вопрос.

1. «Консервативное время»: четыре эпохи новейшей российской истории

1.1. Эпоха внешнего распада

Новейшая российская история начинает свой отсчет с 1990 г., в котором состоялись первые с 1912 г. свободные (относительно) выборы в такой институт народного представительства, как Съезд народных депута-

тов РСФСР. 12 июня 1990 г. Съезд принял Декларацию о государственном суверенитете РСФСР. Она прямо не провозглашала выход из состава Советского Союза, но выражала «решимость создать демократическое правовое государство в составе *обновленного* (курсив мой. – Л. П.) Союза ССР». В результате попытки ГКЧП воспрепятствовать намеченному на 20 августа 1991 г. обновлению Союза ССР в виде Союза Суверенных Государств, участвовавших в мартовском референдуме, СССР прекратил свое существование. И с 12 декабря 1991 г. Россия конституировалась как независимое суверенное государство.

События 1990–1991 гг. в России были прямым следствием процесса, который в 1986 г. в СССР получил названия «перестройка». В период перестройки в советском общественно-политическом словаре впервые появляется термин «консерваторь», посредством которого стали обозначать противников курса М.С. Горбачева, сторонники которого считались «реформаторами».

Эта коннотация консерватизма со старосоветской номенклатурой серьезно дискредитировала все смыслы, включающиеся в это понятие, и надолго исключила всякую возможность позитивного позиционирования консерваторов как в общественном сознании, так и в политическом спектре позднесоветского общества.

При этом нужно признать, что сама эпоха фундаментальных *перемен*, закончившаяся идеологической капитуляцией, крахом КПСС как управленческой структуры и распадом государственности в конце 1991 г., объективно не предоставляла никаких шансов для появления и укоренения в общественном сознании и политической практике консерватизма как политической идеологии. Поскольку перемен хотели все – и руководство КПСС в первую очередь, – то ни о каком сохранении прежних институтов не могло быть и речи. В разных союзных республиках степень радикализма и отрицания существующего была различной, но для России лозунгом момента стала фраза «Так жить нельзя!».

Это был очередной цикл тотального самоотрицания и слепой веры в то, что нам необходимо срочно перенять образцы «нормальной жизни» у других народов. Для абсолютного большинства народа и российской элиты таким образцом являлся «Запад». Часть элиты поговаривала о «китайском пути». Единственным проектом, носившим действительно консервативный, основанный на анализе нашего собственного исторического опыта характер, явился представленный еще в июле 1990 г. план А.И. Солженицына «Как нам обустроить Россию». Однако в России не

нашлось ни одной общественной силы, которая бы взяла этот план в качестве своей политико-идеологической программы. Хотя именно в нем еще за год до «августовского путча» ГКЧП была предложена алгоритмика перехода от распавшегося СССР к новой, но фундированной на собственных исторических и ценностных традициях России.

1.2. Эпоха либерального п(р)орыва

Последнее десятилетие XX в. Россия существовала в режиме небывалого исторического эксперимента по «выходу» из социализма в капитализм. При этом *одновременно* нужно было решать три задачи:

- трансформация *советской* политической системы без управляющей вертикали КПСС в классическую «буржуазную» систему представительной демократии;
- трансформация *социалистической* сверхцентрализованной государственной экономики в экономику рыночную, основанную на частной собственности и конкуренции;
- трансформация России как «ядра советской империи» в виде де-факто *унитарного* государства с автономиями в федеративное национальное государство.

Каждая из этих задач по своей природе такова, что даже сама ее постановка, а тем более попытка ее решения создает предельные риски для существования государственности. И не случайно политическая реформа привела к конституционному кризису и вспышке гражданской войны в октябре 1993 г. Федеративная реформа – к резкому росту сепаратизма и попытке оторвать от России Чечню и весь Северный Кавказ. Реформа экономики – к коллапсу производственной сферы, резкому обнищанию населения и стремительной депопуляции (получившей название у этнографов «русский крест»).

Начавшись при практически национальном консенсусе в январе 1992 г. относительно того, что нам нужен «либеральный прорыв», и почти обожевствлении президента Б.Н. Ельцина как национального лидера, эпоха завершилась в 1999 г. глубочайшим внутренним расколом и почти единокорной ненавистью к прежнему кумиру. В этот период в общественном сознании стал набирать определенный вес феномен, который можно обозначить как «ностальгический традиционализм». Данное умонастроение принципиально отличается от консерватизма как мировоззрения тем, что нацелено на *радикальный возврат* к прошлому институциональ-

ному дизайну в условиях построения новых политических, экономических и государственно-правовых институтов.

Именно это умонастроение было наиболее полно репрезентировано в условиях нового режима представительной демократии КПРФ, идеологию которой некоторые исследователи стали идентифицировать как «левый консерватизм»¹. Однако характерно, что сами российские коммунисты никогда с такой идентификацией не соглашались, позиционируя себя в качестве партии прогресса. Хотя идеологи КПРФ (Г.Н. Зюганов в первую очередь) пытались связать так называемый «социалистический выбор» с исторической традицией и национальной спецификой (тезис «Россия – левая страна»), сам возврат к социально-экономическим и политическим практикам СССР они трактовали как утверждение более *прогрессивного* социального устройства в сравнении с «миром капитализма».

Именно эта линейно-прогрессистская от К. Маркса идущая историческая установка принципиально отделяет любую левую идеологию от идеологии консервативной². И именно эта уникальная комбинация ретропрогрессизма в идеологии КПРФ 90-х годов XX в. выступила функциональным субститутом того, что можно считать аутентичным консерватизмом.

Еще один парадоксальный субститут консервативной идеологии в 90-х годах был представлен идеологией так называемых «младореформаторов команды Гайдара». Поскольку их главным идейным драйвом выступал антикоммунизм, а идеалом – либеральный капитализм, они на идейно дезориентированной российской почве попытались вырастить аналог американского неоконсерватизма 70–80-х годов.

В какой-то степени эта попытка была предсказана И.А. Ильиным, который пришел к выводу о том, что после падения «большевистского преступного режима» России потребуются либеральная, национально-воспитывающая диктатура³. Решительность президента Б.Н. Ельцина в

¹ См. точку зрения в статье: *Капустин Б.Г.* Левый консерватизм КПРФ и его роль в современной политике // Капустин Б.Г. Идеология и политика в посткоммунистической России. М.: УРСС, 2000.

² Ср. Рассел Кёрк: “Progress may be either good or bad, depending on what one is progressing toward. It is quite possible, and not infrequently occurs, that one progresses toward the brink of a precipice. The thinking conservative, young or old, believes that we must all obey the universal law of change; yet often it is in our power to choose what changes we will accept and what changes we will reject” (<http://www.kirkcenter.org/index.php/detail/essence-1957/>).

³ Возражая против гибельной альтернативы «либо тоталитарное рабство – либо по-

августе 1991 г. и в октябре 1993 г. вполне может быть определена как диктаторская. Можно также утверждать, что «диктатура» в 90-х была даже либеральная, но вряд ли можно ее назвать «национально-воспитывающей».

В обоих случаях мы имели квазиконсервативные идеологические конструкции, которые не могли заложить долговременный аутентично консервативный тренд, хотя при этом служили временными функциональными заместителями в российском мировоззренческом пространстве. Однако само это пространство оставалось фундаментально демаркированным.

В нем присутствовали «либерал-демократы», которые на самом деле выступали с имперско-авторитарной квазинационалистической программой. Квазиконсерваторы «коммунисты» фактически проповедовали смесь классического устряловского национал-большевизма, вульгарного евразийства и сталинского марксизма. Либеральные реформаторы объединились под брендом «правых сил», подразумевая при этом не классическую идеологическую «правизну», а декларируя свою «правоту». Левые либералы вообще ушли в плодовоовощную символику, назвавшись «Яблоком», что первоначально представляло аббревиатуру от имен отцов-основателей (Явлинский – Болдырев – Лукин), но в дальнейшем потеряло всякий смысл. О «Консервативной партии» Льва Убожко в этот период можно вспоминать только как о политтехнологическом курьезе. А попытки Г.Э. Бурбулиса, С.М. Шахрая, В.А. Никонова партийно оформить консервативные идеологические проекты закончились ничем.

Этот идейный «маскарад» 90-х был отнюдь не случаен. В ситуации «либерального п(р)орыва» Россия шла по траектории внутреннего распада. Ускоренная политическая реформа при отстающей экономической реформе провоцировала усиливающееся неравенство субъектов. Попытка интегрировать в федеративный фрейм Чечню в конце 1994 г. закончилась Хасавюртом в 1996 г. и фактическим разрушением государственного суверенитета и территориальной целостности. В такой ситуации никаких органических, вырастающих на собственной социально-культурной по-

следовательная демократия», он писал в 1949 г.: «Нет, есть еще третий исход, и именно он должен быть найден и осуществлен в жизни: это – твердая, национально-патриотическая и по идее либеральная диктатура, помогающая народу выделить кверху свои подлинно-лучшие силы и воспитывающая народ к трезвлению, к свободной лояльности, к самоуправлению и к органическому участию в государственном строительстве» (*Ильин И.А.* Собр. соч. Т. 2. Кн. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 176–177.

чве идеологий (а консерватизм – в первую очередь и преимущественно именно такая идеология) быть не могло. Решалась задача не национальной рефлексии, а национального выживания.

1.3. «Время собирать камни»: путинские нулевые

Первые два президентских срока В. Путина пришлось на нулевые годы, смысл которых можно описать как «обнуление» двух предыдущих и взаимоисключающих эпох российской истории XX в. Если бы диалектика не была превращена в пропагандистскую риторику официального языка одной из этих эпох, то путинские нулевые можно было бы определить по-гегелевски как эпоху «снятия».

В самом деле, в официальном дискурсе нулевых совсем не случайно появляется устойчивое клише – «лихие девяностые», которое при этом отнюдь не подразумевает апологетику «позавчерашнего дня». Сознательно или нет, но этот дискурс строился как гегелевское «отрицание отрицания», предполагающее движение смыслов национальной истории по принципу диалектической триады: тезис – антитезис – синтез. Тезису коммунистической эпохи 1922–1991 гг. противостоял антитезис эпохи либеральной (1990–1999 гг.). Последующее десятилетие предстает как «снимающий» этот антагонизм синтез, выводящий всю систему в новое *качественное* состояние. Вопрос заключается в том, каково это новое качество?

Простая сумма идеологического содержания двух предыдущих исторических эпох не дает ответа на этот вопрос. Ни коммуно-либерализм, ни либерал-коммунизм не дают реального мировоззренческого синтеза, скорее производя идейную аннигиляцию, нежели порождение новых смыслов. Такая попытка простого суммирования взаимоисключающих идеологических альтернатив была предпринята М. Горбачевым и его идеологами (А.Н. Яковлевым и И.Т. Фроловым) при разработке официального языка ранней «перестройки».

Тогда лозунги «плановая рыночная экономика», «социалистическое правовое государство», «больше социализма – больше демократии» сыграли важную роль в процессе легализации смыслов, которые традиционно подпадали под уголовные статьи об антисоветской пропаганде. Но в дальнейшем дистанцированность этих *идейных химер* от практики их воплощения в жизнь становилась все более очевидной даже самим их

авторам, как и их противникам – тем самым старономенклатурным «консерваторам», которые и организовали «августовский путч».

Но повторим вопрос: если путинские нулевые не могли быть и не были (поскольку они состоялись как эпоха, а не завершились коллапсом как горбачевская «перестройка») простой идейной суммой двух предыдущих эпох, то что они представляли собой в мировоззренческом смысле? И можно ли считать путинские нулевые реальным идеологическим синтезом? Положительный ответ на второй вопрос позволяет перейти к поиску содержательного ответа на вопрос первый.

Прежде всего нужно определиться с тем, в каком смысле идеологический синтез может быть реальным. Первое обстоятельство, подтверждающее его реальность уже упомянуто: первые два президентства В. Путина закончились не коллапсом государственности, а *легальным демократическим трансфером* высшей власти, что произошло вообще впервые в российской истории.

Второе обстоятельство возвращает нас в самое начало путинских нулевых и заставляет обратить внимание на ключевую топику дискурса тех политических сил, на которые опирался В. Путин в ходе думско-президентского выборного цикла 1999–2000 гг. и в последующее время. На думских выборах однозначно пропутинскую позицию занимал блок «Единство», а затем в результате слияния этого блока с блоком «Отечество – Вся Россия» в 2001 г. появилась партия «Единая Россия».

Эта акцентация на тематике сначала межрегионального «единства» (в результате чего получилась имиджево выигрышная аббревиатура «Медведь»), а затем – на задаче единения России, обеспечивает и реальность, и реализуемость идеологического синтеза путинских нулевых. Этот синтез отвечает на ситуацию государственного распада конца 90-х тройким образом.

Он предлагает решение политической задачи построения эффективной демократии за счет оптимизации партийного пространства. Решение задачи построения рыночной экономики предлагается за счет, во-первых, деолигархизации и, во-вторых, придания госкорпорациям статуса ведущих хозяйственных игроков. Задача построения федеративного национального государства решается за счет сначала создания института федеральных округов, правового аудита законодательства субъектов Федерации, а затем принятия нового порядка наделения властными полномочиями глав исполнительной власти субъектов Федерации.

В итоге в феврале 2007 г. В. Путин на очередной конференции по безопасности в Мюнхене уже уверенно предъявлял Западу позицию России как суверенной демократии. А в феврале 2008 г. президент подводил итоги своей «восьмилетки» и определял перспективу до 2020 г.

Он констатировал: «Несмотря на отдельные успехи последних лет, нам пока не удалось уйти от инерционного, энергосырьевого сценария развития». И намечал путь такого ухода: «Единственной реальной альтернативой такому ходу событий (как мы это, собственно, ранее и определяли) является стратегия инновационного развития страны, опирающаяся на одно из наших главных конкурентных преимуществ – на реализацию человеческого капитала, на наиболее эффективное применение знаний и умений людей для постоянного применения технологий, экономических результатов, жизни общества в целом»⁴.

Первым этапом реализации этой стратегии должно было стать президентство Д. Медведева. Однако глобальный финансовый, а затем и полноценный экономический кризис, спровоцированный лопнувшим «ипотечным пузырем» в США, поставил перед экономикой России совсем другие задачи. Нужно было не столько развиваться, сколько выживать, что и удалось сделать, лишь отложив на будущее переход на инновационный сценарий.

В путинские нулевые была предпринята попытка утвердить консерватизм в качестве политической идеологии правящей партии «Единая Россия». В программных документах партии прямо говорилось о том, что единороссы – консерваторы. Однако такое однозначное идеологическое позиционирование противоречило трем обстоятельствам, которые фактически заблокировали появление консерватизма в качестве общественно легитимизированного политического репрезентанта.

Во-первых, шлейф советских коннотаций термина «консерватизм» продолжал господствовать в умонастроениях низового партактива единороссов и рядового избирателя на местах. В «широких массах» определение «консерватор» подсознательно связывалось с набором негативных синонимов, и поэтому первичные организации «Единой России» фактически не использовали консерватизм как идейный идентификатор в повседневной работе и в избирательных кампаниях.

⁴ Государственный Совет Российской Федерации. Выступление Президента Российской Федерации на расширенном заседании Государственного Совета Российской Федерации «О стратегии развития России до 2020 года». М.: Известия, 2008. С. 14–15.

Во-вторых, в организационной структуре самой «Единой России» были созданы три относительно самостоятельные идеологические платформы (а затем – 4 «клуба»), что объективно не позволяло осуществить четкую идейную консолидацию партийной элиты на однозначно консервативной основе. Социал-консерваторы явно отличаются от либерал-консерваторов, а государственники-патриоты акцентируют принципы, отличающие их от тех и других. Такая идеологическая эклектика вполне адекватна самому статусу партии, претендующей на максимальный охват различных электоральных групп. И дает (по крайней мере – давала до выборов 2011 г.) подавляющее преимущество единосроссам на парламентских выборах. Но по мере выдвигания на первый план в мотивации избирателей идейно-ценностных предпочтений и радикального роста многопартийности, идеологическая расфокусированность «Единой России» может обернуться не преимуществом, а недостатком.

И, наконец, в-третьих. «Единая Россия» позиционируется как президентская партия, и В. Путин даже возглавлял ее в качестве председателя – не будучи ее членом. Это последнее обстоятельство крайне важно. Особенностью российской политической системы является специфическая позиция президента как главы государства, который по определению обязан выступать в роли национального интегратора. В этой роли ему противопоказана любая «партизация» и, соответственно, любые идеологические пристрастия. Такой партийно-идеологический «нейтралитет» президента объективно подталкивал пропрезидентскую партию к тому, чтобы как можно менее четко обозначать свой идеологический профиль.

Особенно проблематичной оказалась консервативная идентичность «Единой России» в период президентства Д. Медведева, ключевым «хэштегом» которого стала «модернизация». Были предприняты несколько попыток наполнить убедительным идейно-электоральным смыслом словосочетание «консервативная модернизация». Но в конечном счете с избранием В. Путина на третий президентский срок эти попытки утратили актуальность. И важно понять – почему?

1.4. Третий срок – «консервативное время»

Прежде чем отвечать на этот важнейший вопрос, необходимо вспомнить, какова природа такого идеологического феномена, как консерватизм. По самому своему определению эта идеология – охранительная.

Во времена нормального функционирования национального организма она находится в режиме stand by, поскольку исторический процесс осуществляется органическим способом. Каждое очередное поколение воспринимает традиционные ценности и при этом модифицирует способ их жизненного применения в соответствии с меняющейся внешней социокультурной средой.

Но когда такой органический порядок нарушается, когда традиционные ценности и социокультурные институты их трансляции подвергаются радикальному отрицанию, консерватизм «просыпается», чтобы активно и даже агрессивно выступить на защиту органического развития и против революционного разрушения. Консерватизм выступает за принцип преемственности во всем, а как политическая идеология – в политике в первую очередь. Именно этот принцип и был предложен обществу в сентябре 2011 г., когда на съезде «Единой России» было объявлено о том, что баллотироваться в президенты будет В. Путин. И именно тогда в обществе активизировались радикалы, для которых целью стал слом всего существующего политического порядка.

И отнюдь не случайно те социальные группы, которые в дальнейшем получили названия «рассерженные горожане», «креативный класс», «белоленточники», выбрали в качестве формата своей деятельности так называемую «цветную революцию». На самом деле – это универсальный формат «революции через выборы», неоднократно применявшийся на евроазиатском континенте от Белграда до Бишкека. Предлог для начала революционных действий – обвинение властей в фальсификации итогов выборов (парламентских или президентских).

Но самое существенное в феномене российского радикализма конца 2011 г. – это не то, что его роднит со всеми остальными «цветными революциями». У нашего радикализма есть одно специфическое свойство – он ставит своей целью не столько политическую, сколько контркультурную революцию, точнее – пытается добиться политических целей с помощью атаки на традиционные ценности.

Самый наглядный пример того, как это делается – так называемый панк-молебен Pussy Riot в центральном храме русского православия – Храме Христа Спасителя в Москве 21 февраля 2012 г. Собственно политический контент (антипутинские призывы) здесь помещен в более широкий и намеренно глумливый контекст контркультурный. Масштаб оскорбительности этого действия определяется тем, что акция намеренно была проведена в храме, символизирующем как победу русского на-

рода в Отечественной войне 1812 г., так и восстановление главной русской церкви после ее большевистского погрома в 1931 г. И самое существенное – именно степень контркультурного радикализма определяется степень креативности данной акции в кругах так называемого «креативного класса». Станным образом радикальные контркультурные акционисты наших дней повторяют лозунг отца-основателя российского (и международного) анархизма М. Бакунина: «Страсть к разрушению – творческая страсть».

Собственно и весь остальной «креатив», предлагаемый разными группами сообщества «креаклов», носит такой же ценностно-альтернативный характер. Это набор социальных инноваций в виде нетрадиционных сексуальных ориентаций, нетрадиционной семьи, отказа от института церкви, в виде радикального акционизма в искусстве, радикального национализма в политике. Однако весь этот модернизационный «креатив», якобы просто отрицающий национальную традицию, на самом деле есть не что иное как перенос в российский контекст западных социокультурных практик.

В условиях «нового раскола» В. Путину потребовалось более четкое идеологическое позиционирование, и в этом помог созданный в мае 2011 г. ОНФ. Третий срок стал возможен благодаря поддержке того большинства, которое было представлено ОНФ не как политической, а как общественной организацией. ОНФ стал платформой, способной принять вызов революционной контркультуры и сформулировать четкий и однозначно *консервативный* ответ.

Именно поэтому Путину-президенту теперь нет смысла оставаться идеологически нейтральным. Консерватизм выступает сегодня в роли идеологии, способной осуществлять общекультурную интеграцию поверх политико-идеологических барьеров. Соответственно, В. Путин, передав партийное лидерство в «Единой России» главе правительства Д. Медведеву, может себе позволить самоопределение в качестве «прагматика с консервативным уклоном» и пояснения, почему он предпочитает именно консерватизм в качестве собственной мировоззренческой доминанты.

Некоторые эксперты высказывают опасения, что ставка главы государства на консервативное большинство в противовес «креативному классу» (или «Поколению М», по выражению М. Ходорковского), будучи политически выигрышной в краткосрочном плане, в плане долгосрочном чревата риском срыва российской модернизации и отказом от самим же

Путиным провозглашенной стратегии инновационного развития страны. Но так ли это на самом деле? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратиться ко всей российской истории и выявить типичный для русской цивилизации алгоритм внедрения социальных инноваций, а заодно выяснить, что такое «модернизация» и может ли она быть «консервативной».

2. Российский алгоритм социальных инноваций

2.1. История как «война с прошлым»

Существо нашей цивилизационной парадигмы заключается в том, что с момента своего основания и вплоть до сегодняшнего дня Россия строится по принципу радикальных социальных инноваций.

Призвание варягов, крещение Руси, церковный раскол после реформ патриарха Никона, радикальная вестернизация Петра I, большевистская революция, либеральная августовская революция – это ключевые точки нашей истории. И все они связаны с радикальным разрывом с прошлым, который ведет за собой тотальные социальные инновации. Можно сказать, что Россия – самая социально инновационная страна в мире!

Но тогда возникает вопрос: если вся наша история – цепь социальных инноваций, то почему мы каждый раз попадаем в одну и ту же ситуацию? Почему каждая очередная радикальная социальная инновация приводит страну к коллапсу, государственность к разрушению, общество – к смуте? Почему неизбежно настает время, когда всеобщая ненависть к настоящему ведет нас к революционному отрицанию прошлого? И правы ли мы, когда – после тысячелетней истории разрушительных инноваций – вновь ставим перед собой все ту же задачу?

Чтобы понять причину возникновения и тысячелетнего существования такой цивилизационной парадигмы, необходимо проанализировать механизм осуществления тотальных социальных инноваций в российской истории. Анализ показывает, что суть до сих пор применявшегося инновационного механизма состоит в том, что в качестве социальной новизны брался опыт чужого цивилизационного развития и ставился как образец для собственного общества.

Варяжский властный порядок (круговой, братски-внутрисемейный порядок княжения Рюриковичей, описанный В.О. Ключевским); «грече-

ская вера»; исправленная «греческая вера», повлекшая «раскол»; «европеизм» Петра; «коммунизм» большевиков; «западничество» российских современных либералов – все это формы цивилизационного самоотрицания. Каждый раз в наш местный традиционный контекст вносилась радикальная новизна, которая побуждала либо начинать историю «сначала» (крещение Руси в 988 г., большевистская революция в 1917 г.), либо тотально отрицать ближайшее прошлое: реформа Никона, реформы Петра, реформы Ельцина.

На первый взгляд, большевистская революция представляет собой существенно иной вариант социальных инноваций, поскольку большевики перенимали не западный институциональный дизайн, а пытались создать дизайн принципиально новый и нигде не опробованный. На это можно возразить в том смысле, что исключение лишь подтверждает правило. И это в данном случае (как и всегда) совершенно верно. Но стоит уточнить, как именно подтверждает.

Дело в том, что большевистский эксперимент являлся попыткой пересадить на российскую почву абсолютно западный проект общественного развития. Ведь марксизм – это западная теория не только в том смысле, что К. Маркс – западный теоретик. Эта теория была и остается результатом глубокой научной рефлексии относительно истории капитализма как исключительно и именно западного социально-экономического феномена. Маркс выявил логику именно западной истории, в которой переход к коммунизму – несмотря на всю революционность – был совершенно органичным и естественным. Именно поэтому марксизм претендовал (вполне обоснованно) на статус науки в том смысле, что он открывает закономерности развития объекта своего исследования, которым является исключительно западно-европейский социокультурный ареал⁵.

Именно ввиду того, что марксизм как западная теория, построенная на основе анализа западного исторического опыта, совершенно не был применим к российскому социально-культурному контексту, большевикам потребовалась кровавая революция и трехлетняя гражданская война, чтобы утвердиться у власти. После чего им все равно пришлось свернуть

⁵ Именно поэтому К. Маркс довольно быстро вывел из своего аналитического поля «азиатский способ производства», позаимствованный первоначально из политэкономической теории Дж. Ст. Милля. Позднейшие его рассуждения о применимости своей теории к России нужно воспринимать не как поправки ученого, а как грамотный ход профессионального революционера, вербующего в свои ряды революционеров российских.

с марксистского пути и строить «социализм в отдельно взятой стране». Сначала путем радикального отрицания всего русского (1924–1934 гг.), а затем неизбежной реставрации русской культурной традиции.

Таким образом и большевистский «теоретический» эксперимент вполне вписывается в общую парадигму российской истории, которую замечательно точно описал П. Чаадаев в знаменитом «первом философическом письме» еще в 1829 г. Вот его пророческие слова: «Мы так удивительно шествуем во времени, что по мере движения вперед пережитое пропадает для нас безвозвратно. Это естественное последствие культуры, всецело заимствованной и подражательной. Внутреннего развития, естественного прогресса у нас нет, прежние идеи выметаются новыми, потому что последние не вырастают из первых, а появляются у нас откуда-то извне (...) Мы растем, но не созреваем, мы подвигаемся вперед, но в косвенном направлении, т.е. по линии, не приводящей к цели»⁶.

Парадоксальным (но вполне закономерным) образом этот чаадаевский диагноз вызвал к жизни славянофильский консервативный (по замыслу, по крайней мере) поиск иной национальной идентичности. И первоначально увлеченный этим поиском, а впоследствии ставший к нему в радикальную оппозицию В. Соловьев даже попытался сделать из «нужды добродетель», когда вменил русскому народу в качестве исключительной национальной доблести саму эту способность к самоотрицанию. Для христианского философа именно с этим свойством было связано высшее призвание России.

И чаадаевская, и соловьевская версии «русской идеи» – это важнейшие этапы национальной рефлексии, создающие отечественную интеллектуальную традицию. И в этом качестве формирующие отечественную культурную традицию. За этими этапами последовала богатейшая история интеллектуальных поисков русской классической философии «серебряного века» и последующей эмиграции. Однако в рамках данного прикладного анализа вполне достаточно будет попытаться выявить некую базовую конструкцию, предопределяющую отмеченную П. Чаадаевым алгоритмику нашей, так сказать, «антиистории».

2.2. Инновации как инструмент самоотчуждения власти

Конструкция эта достаточно проста. Социальная новизна, привносимая в общество как импорт чужого опыта общественно-исторического

⁶ Чаадаев П.Я. Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 21.

развития, неизбежно предполагает фигуру «импортера». Того, кому чужой социальный опыт кажется более привлекательным, чем опыт собственной страны. У этого импортера должны быть ресурсы для того, чтобы заставить собственное общество принять чужой опыт в качестве образца и начать радикально менять свое жизнеустройство. Таким ресурсом является власть. Лучше всего – самодержавная.

Как действует механизм социальных инноваций, проводимых самодержавной властью? Обществу предъявляется образец, затем приглашаются «специалисты», которые от имени власти осуществляют радикальные инновации. Это – варяжские князья, греческие священники, «немцы» в русском смысле этого этнонима, французы-воспитатели, революционеры-интернационалисты, советники из Гарварда. Они образуют узкий круг высшей «просвещенной» элиты, которая задает и осуществляет (прямо или косвенно – через воспитание) курс *культурного* развития страны. Культурного – в общем смысле, поскольку даже если речь идет об узкоспециальных реформах, например, экономических, то все равно сам факт приглашения «чужих» автоматически дискредитирует «своих» и ставит данный народ в заведомо подчиненное *культурное* положение.

В такой ситуации автохтонное население неизбежно превращается в *средство* осуществления такого курса и одновременно в *объект* воспитания – своего рода «модернизации». Оно по определению рассматривается как «отсталое», «темное» и поэтому нуждающееся в «просвещении» со стороны более «развитых» народов.

В силу отсутствия быстродействующих средств массовой коммуникации и информационных технологий процесс воздействия «просвещающей элиты» на автохтонное население на протяжении большей части российской истории (вплоть до большевиков) чрезвычайно замедлялся. Поэтому ближайший элитный круг быстро усваивал пришедшие ценности, как бы становясь иностранцами в своем отечестве, в то время как огромное большинство оставалось верным своей традиции⁷.

В результате возникает расколотый социум, большая часть которого не воспринимает возникшее новое как свое. Социальные инновации оказываются продуктом деятельности узкого слоя – бюрократии. И новое общественно-государственное целое держится только авторитетом модернизирующей власти, которая сама попадает в структурную зависи-

⁷ Эту закономерность наших «модернизаций» первым четко сформулировал еще А.И. Герцен.

мость от бюрократии. Массовой поддержки у такого целого нет – и не может быть, поскольку введенная сверху социальная новизна по определению не воспринималась массами как своя.

В результате рано или поздно в любой кризисной (возникшей стихийно или спровоцированной) ситуации это латентное массовое отчуждение от существующего порядка трансформировалось во враждебное отношение к власти. Отсюда – два случая почти мгновенного падения государственности и распада страны в XX в. (27 февраля – 3 марта 1917 г. и 19–22 августа 1991 г.).

Чтобы учесть прежний опыт революционных инноваций, повлекших за собой распад государственности, нужно подвести итоги и сделать четкие выводы.

Итоги:

- социальные инновации в длительной перспективе оказываются контрпродуктивными, если они сводятся к простому переносу чужого опыта на собственную национальную почву;
- в ходе имитационных социальных инноваций неизбежно происходит раскол нации на тех, кто инновации придумывает («креативных»), и тех, кто эти инновации должен осуществить в собственной жизни;
- в результате этого раскола государство отчуждается от огромного большинства и при любом кризисе (или провокации кризиса) легко разваливается.

Выводы:

- инновации не должны раскалывать нацию, а напротив – нацию соединять;
- инновации – не удел отдельных «криэйторов», а результат участия большинства народа;
- только опыт собственных (а не заимствованных) успешных социальных инноваций может соединить «власть» и «народ» таким образом, чтобы навсегда исключить риск революционного разрушения российской государственности.

2.3. Неразрешенная проблема отечественного консерватизма

В условиях описанной выше парадигмы нашего исторического развития отечественный консерватизм попадает в безвыходную ловушку. Консерватор по определению должен поддерживать действующую власть. Но российский консерватор довольно часто оказывался в ситуации, ког-

да власть действует как революционер, осуществляющий радикальные инновации.

А когда наступало казалось бы «время консерваторов», им приходилось либо создавать «ретроспективную утопию» – как в случае «славянофилов» в эпоху Николая I, либо примитивно «подмораживать Россию, чтобы она не гнила»⁸ в эпоху царствования Александра III. В обоих случаях эти царствования наступали после попытки цареубийства (успешной в 1881 г.), что превращало задачу выращивания аутентичного – требующего свободы мысли и творчества – консерватизма в практически невыполнимую.

Поэтому консерваторы как правило оттеснялись на периферию «общественного мнения», а само определение «консерватор» нередко звучало как приговор. Характерно, что даже такой безусловный по сути своих взглядов консерватор, т.е. защитник базовых институтов (устоев) поздней Российской империи, как М.Н. Катков, термин «консерватизм» принимать напрочь отказывался. Ему казалось, что сам перенос наименований западных политических партий («консерваторы» и «либералы») в российский самодержавный контекст неуместен и опасен.

Но он, как и в дальнейшем К.П. Победоносцев, не учитывал того факта, что «либералы» даже в условиях самодержавия в России существовали фактически. И как только самодержавие пошло на конституционную реформу и ввело парламентаризм, уже на выборах в I Государственную Думу оглушительную победу одержали именно российские либералы, которым не составило труда объединиться в конституционно-демократическую партию.

Мало того, что российские консерваторы оставались беспартийными экзотическими одиночками (такими, как, например, в прошлом народо-волец Л.А. Тихомиров), не способными опереться на массовую народную поддержку. Они, будучи самыми верными и самыми бескорыстными защитниками традиционных устоев России, не пользовались и поддержкой самодержавной власти. Славянофилы при Николае I вообще находились под надзором полиции, а единственный и самый эффективный во всей российской истории консервативный политик – П.А. Столыпин, фактически проводил свои реформы при глухом сопротивлении царского двора и ближайшего круга. Об отчуждении же его от либеральной «общественности», лидеров которой он приглашал к совместной ра-

⁸ Знаменитая формула К.Н. Леонтьева.

боте в правительстве, написано достаточно, чтобы еще раз повторяться.

Но если такова судьба самых ярких и самых аутентичных отечественных консерваторов в прошлом, то не попадаем ли мы в замкнутый круг? Не получится ли опять, что судьба отечественного консерватизма, отстаивающего устои общественного и политического порядка, повторится – и уже не в виде трагедии, а виде фарса? Не получим ли мы карикатуру на консерватизм – имитацию, которая даже скорее загубит Россию, чем просто отсутствие консерватизма?

3. Есть ли будущее у консерватизма в России?

3.1. Историческое целеполагание и формулировка задачи

Чтобы ответить на вопрос о будущем российского консерватизма, необходимо определиться с его целеполаганием. Оно может состоять в следующем. Консерватизм как ментальная установка или «предрасположенность» (*disposition* – по М. Оукшоту⁹), насыщаемая ценностными смыслами и становящаяся идеологией, выражающей национальную идентичность, нацелен на *сохранение* уникальности российской цивилизации («Русского мира»). Консерватизм этим в первую очередь отличается от таких идеологий, как социализм или либерализм, которые ставят своей целью перестройку российской цивилизации либо в соответствии с неким абстрактным проектом (марксизм), либо в соответствии с неким чужим конкретным опытом (условный «Запад» или «Европа»).

Здесь важно отметить следующий парадоксальный момент целеполагания. Формально цель сохранения может быть определена как сохранение уникальной исторической традиции. Но, как было выяснено выше, наша традиция заключается в том, что мы по воле «модернизаторской» власти регулярно совершаем акты фундаментального отказа от прежней идентичности. Иными словами, наша традиция – это скорее антитрадиционализм. И поэтому консерватизм, ставя себе обозначенную цель, прин-

⁹ См.: Оукшот М. Что значит быть консерватором // Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 65. Стоит напомнить, что главной чертой этой установки он считает «склонность довольствоваться тем, что есть, а не желать чего-то иного или стремиться к иному; я имею в виду способность радоваться настоящему, а не прошлому, или будущему» (Там же).

ципально расходится с такой ментальной установкой, которая обозначается как традиционализм.

В общеметодологическом плане различие между консерватизмом и традиционализмом провел еще К. Мангейм, когда подчеркивал *дорефлективный* характер последнего¹⁰. В нашем случае это различие в максимальной степени применимо. Дело в том, что отсутствие критической рефлексии по поводу собственной исторической традиции и декларации о полнейшей ей приверженности работают не на сохранение, а на то, что можно назвать *консервацией отсталости*. Ведь если алгоритм нашего присутствия в истории заключается в регулярной попытке «модернизироваться», то тем самым мы признаем, что мы хронически от кого-то отстаем. И постоянно должны кого-то догонять.

Но ведь, те, кого ты догоняешь, тоже не стоят на месте. Поэтому национальное развитие превращается в бесконечную «гонку за лидером», в ходе которой блокируется становление национальной идентичности. Или, точнее, такой идентичностью становится постоянная подражательность, на что еще в XIX в. проницательно обратил внимание Астольф де Кюстин¹¹.

Поэтому критическая рефлексия в отношении традиции – это первичный и обязательный инструмент для выработки аутентично консервативной диспозиции. Такая рефлексия предполагает сначала описание тех исходных «данных», при которых выдвигается целеполагание. Затем необходимо будет определить те проблемы, которые задаются наличной конфигурацией исходных «данных». И, наконец, потребуются сформулировать задачу, решение которой устранил в продуктивном смысле обнаруженные проблемы. Продуктивное устранение проблем означает не то, что наступит беспроблемное будущее. Именно этого настоящий консерватизм, не разделяющий слепой (нерефлективной) веры в прогресс, себе и не позволяет. Речь идет о том, что наличные проблемы решаются та-

¹⁰ Ср.: «Традиционализм означает тенденцию к сохранению старых образцов, вегетативных способов жизни, признаваемых всеобщими и универсальными. Этот «инстинктивный» традиционализм может трактоваться как начальная реакция на сознательные реформаторские тенденции» (*Мангейм К.* Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 593).

¹¹ Ср.: «Я не упрекаю русских в том, что они таковы, каковы они есть, я осуждаю в них притязания казаться такими же, как мы». Или еще: «В отношениях русских с иностранцами царит дух испытующий, дух сарказма и критики; они ненавидят нас – как всякий подражатель ненавидит образец, которому следует» (*Астольф де Кюстин.* Россия в 1839 году. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1996. Т. 1. С. 154, 376).

ким образом, что это решение переводит социум в новое качество, включающее, поэтому, актуализацию прежних проблем.

Итак, каковы же те исходные «данные», при наличии которых мы сформулировали консервативное целеполагание? Это, во-первых, территория, обозначаемая как «Россия», на которой строится постсоветская государственность нового – условно «демократического» типа. Это, во-вторых, четыре пятых населения на этой территории, интуитивно определяющих себя в качестве «русских» в смысле знаменитого «пятого пункта» советских паспортных анкет. Но при этом не уверенных однозначно, в чем именно состоит их «русскость». И это, в третьих, остальные 20% населения, которые не испытывают никаких сомнений относительно своей этнической определенности.

При наличии таких исходных данных мы можем зафиксировать объективно возникающий набор проблем, без устранения которых реализация консервативного целеполагания становится невозможной.

Это, во-первых, низкая эффективность государственной (а тем более – муниципальной) власти по параметру «демократичности». Разговоры про бюрократию как «замкнутую касту» ведутся регулярно, но проблема остается не решенной.

Это, во-вторых, постоянно присутствующий соблазн «изоляционистского национализма», настрой которого передается широко разделяемой, но по-разному понимаемой формулой «Россия для русских».

Это, в-третьих, меньший в сравнении с периодом девяностых, но подспудно «тлеющий» центробежный этносепаратизм, который подогревается религиозным радикализмом.

Если произведенная «рекогносцировка местности» верна, то отсюда следует, что реализация консервативного целеполагания достижима только при условии решения интегральной задачи, предполагающей устранения этих трех базисных проблем. Эта задача объединяет в себе проблемы в качестве исходных условий и на выходе должна дать искомое новое качество. При этом интегральный ее характер определяется тем, что все три базовые проблемы должны быть решены одновременно, а не по отдельности, поскольку каждая в отдельности удовлетворительного решения не имеет.

Таковой задачей является создание в России *политической нации*, которая и будет означать органичную интеграцию «русских» и «не-русских» в *единое* сообщество, *демократически* управляемое государственной властью и столь же *демократически* самоуправляющееся «на местах». Ре-

шение этой задачи означает политико-правовое оформление территории «Россия» в качестве того, что обозначается как “nation state”. Отличие этого «государства-нации» от России, понимаемой в качестве «государства-цивилизации» состоит в том, что последнее в качестве культурного ядра «Русского мира» имеет метаполитический характер и является своего рода метаисторической целью. А государство-нация – это инструмент для достижения цели.

3.2. Консерваторы как «стражи будущего»

Решение задачи построения российской политической нации с помощью консервативной ментальной установки предполагает определение базового ценностного консенсуса. К числу таких базовых ценностей относятся такие категории как «справедливость», «совесть», «семья» и «Родина». Выделение именно этой четверки обусловлено тем, что это – не просто перечень ценностей, каждую из которых можно заменить чем-то иным, либо добавить что-то еще. Это – взаимосвязанные смыслы, каждый из которых обуславливает наличие следующего.

Первичная ценность, обозначаемая понятием «справедливость», безусловно является той универсалией, которая принимается всеми нашими народами. Она представляет собой некое обязательное качество, которое должно быть присуще «идеальной» России. Но само восприятие чего-то как справедливого или не справедливого предполагает внутреннюю способность суждения об этом. Эта способность есть свойство инстанции «совести», наличие которой считается обязательным для «идеального» гражданина «идеальной» России. Совесть же, в свою очередь, является не врожденной способностью, а воспитываем свойством. И воспитание совести происходит прежде всего и почти исключительно – в «семье». Именно поэтому *гетерогенный* семейный союз является базовой ценностью. В результате все три перечисленные ценности проецируются во всеобщую ценность – «Родину». Это своего рода «большая семья» всех российских народов, ценящих совесть как индивидуальное качество, и справедливость как качество коллективное.

Если консенсус по поводу этих четырех базовых ценностей действительно существует, то первичное условие создания российской политической нации фактически выполняется. На основе этого консенсуса становится возможным перевести общее целеполагание в практическую плоскость. У российской политической нации есть некое метаисториче-

ское «задание» – сбережение своей уникальной цивилизации в контексте агрессивного контркультурного глобализма.

Этот глобализм разрушает само понятие «справедливость», поскольку его носители деятельно разрушают инстанцию «совести», демонстративно девальвируют институт традиционной «семьи» и отрицают ценность любви к Родине. Противодействием этой агрессии может служить только консервативная ментальная установка, понимаемая, однако, не просто как оборонительная реакция на контркультурную экспансию Запада. Такая установка должна быть ориентирована на охранение (сбережение) всех тех «ростков будущего», которые органично вырастают из сегодняшнего российского социокультурного контекста, а не являются очередной и скорее всего бесплодной попыткой «привить» к нему «инновации», заимствованные из чужого опыта.

Это и будет той искомой «консервативной модернизацией», заявка на которую прозвучала несколько лет назад. Ее идеологий можно назвать *футуро-консерватизм*, смысл которого в том, что он охраняет не традицию вечно догоняющей «модернизации», а все проявления развития на *собственной* основе. Что подразумевает и принципиальный отказ от очередного приглашения «варягов» в качестве модернизационного класса. Что становится возможным лишь при наличии автохтонного субъекта модернизации.

Таким субъектом уже фактически является «Народный фронт – за Россию!» (ОНФ). Эта его миссия органично связана с решением задачи национальной интеграции.

Во-первых, как организация неполитическая, ОНФ способен организовать эффективный *народный* контроль всех уровней власти, придавая ей качество не формальной, а содержательной демократичности. Важно то, что, не будучи партией, т.е. одной из политических сил, борющихся за власть, ОНФ способен оказывать корректирующее воздействие на власть, в любой ситуации четко формулируя национальный интерес.

Во-вторых, ОНФ становится площадкой, на которой не в ретроспективе, а в реальном времени осуществляется государствообразующая и государствопреобразующая функция «русского народа». В этом своем качестве ОНФ снимает саму постановку вопроса о необходимости создания особой «русской партии» как партии самоочевидного большинства. В этом формате репрезентативность «русского» большинства столь очевидна, что вместо вопроса о собственной партизации, перед «русски-

ми» встает вопрос о справедливой репрезентации этно-конфессиональных меньшинств.

Поэтому, в-третьих, ОНФ наделен естественной миссией интеграции таких меньшинств в процесс строительства России как государства-нации на *равноправной* основе.

Таким образом, ответ на вопрос о том, есть ли будущее у консерватизма в России, заключается в радикальной инверсии самого вопроса. Будущее у России возможно лишь в той степени, в которой субъект «консервативной модернизации», т.е. ОНФ возьмет на вооружение футуро-консерватизм в качестве общенациональной идеологии. И не просто как некую теорию, а как в буквальном смысле – руководство к действию. Которое заключается в том, чтобы находить, охранять и продвигать любую попытку инновационного развития России на собственной основе. Современный российский консерватизм осмыслен и востребован постольку, поскольку он – на страже будущего.

Polyakov, L. V.

Russian Conservatism: Challenges and Responses [Text] : Working paper WP14/2014/04 / L. V. Polyakov ; National Research University Higher School of Economics Publ. House. – Moscow : Higher School of Economics Publ. House, 2014. – 28 p. – (Series WP14 “Political Theory and Political Analysis”). – 50 copies. (In Russian.)

The text is addressing three questions/challenges:

Is it true that time for conservatism in Russia has come? And if it is, then – why?

What is the algorithm of Russian historical path that makes Russian Conservatism so paradoxical?

How could Russian Conservatism become an ideological base for the national development strategy?

To properly meet these challenges Conservatism has to revise traditional scheme of modernizing reforms in Russia and try to implement social innovations generated within national socio-cultural context rather than imported from abroad. This approach (which could properly be called “The Conservative Modernization”) provides a new framework for ‘organic’ relationships between population and statehood which opens positive prospects for completion of troublesome nation-building in post-Soviet Russia.

Presumably the institutional driver of this conservative ideological shift could become “All-Russian People’s Front”.

Key words: conservatism, modernization, social innovations, self-alienation of Power, divided society, ideology, conservation of backwardness, national development

Polyakov Leonid Vladimirovich, professor, department of political sciences NRU HSE.

Препринт WP14/2014/04

Серия WP14

*Политическая теория
и политический анализ*

Поляков Леонид Владимирович

Российский консерватизм: вызовы и ответы

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Тираж 50 экз. Уч.-изд. л. 1,7
Усл. печ. л. 1,7. Заказ № . Изд. № 1595

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»